

18+ ΦΙΛΟΚΑΛΙΑ

*Диадох,
Феолитт, Илья,
Симеон, Аммон*

Византийское православие IV – XIV вв.

И. М. Носов

**Диадокх, Феолит, Илья,
Симеон, Аммон. Византийское
православие IV – XIV вв**

«Издательские решения»

Носов И. М.

Диадок, Феолит, Илья, Симеон, Аммон. Византийское православие IV – XIV вв / И. М. Носов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567689-4

Это издание — переводы греческой Филокалии, сделанные в 1997—2022 гг. по изданию «ΦΙΛΟΚΑΛΙΑ», изд. «Григорий Палама», (Фесс., 1983, 1986, 1996 гг.). Переводы изданы ранее отдельно в книгах «Симеон Новый Богослов «Главы»», «Илья пресвитер и экдик «Мысленный цветослов»», «Феолит, Диадок», «Диадок Фотикийский «Сто глав о внимании», а также в книге «Диадок, Симеон, Илья, Феолит, Аммон».

ISBN 978-5-00-567689-4

© Носов И. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Диадок	7
«Сто глав»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Диадок, Феолитт, Илья, Симеон, Аммон Византийское православие IV – XIV вв

И. М. Носов *Переводчик*

© И. М. Носов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0056-7689-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга – перевод с древне- (Аммон) и старогреческого языка некоторых трудов средневековых Византийских православных наставников – Диадокха (~VIII в.), митр. Феолитта Филадельфийского (XIV в.), Ильи пресвитера и экдика (~VIII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.) и Аммона Нитрийского (IV в.). Эти люди – монахи и писали для монашеской среды, которая пронизывала средневековое общество, и их труды пользовались известностью и среди «продвинутых» в христианстве мирян. Таких преподобных и святых писателей в Византии было много, их писания разнообразны и содержат богословские рассуждения, изложение собственного опыта, мистические откровения и наставления единомышленникам.

И.М.Носов

Диадок

«Сто глав»

1. Все духовное понимание, братья, пусть ведется верой, надеждой, любовью, и более – любовью. Первые учат пренебрегать кажущимся благом, любовь – добродетелью душу соединяет с Богом, умным чувством Незримого ища.

2. Естеством благ только Бог. Бывает и человек – от прилежания к переменам благим ради Благого по-сути, во что не есть изменяясь, когда душа за прилежание к добру бывает в Боге так, как ее сила, действуя, желает: «Будьте благими и милосердными как ваш Отец, который на небесах».

3. Зла нет в естестве, и нет злого естества – зла никакого Бог не сотворил. Когда пожеланием сердца вносят в образ то, чего нет в сущности, тогда начинает быть оно же если так творящий хочет. Итак, должно всегда прилежанием к памяти о Боге не радеть о навывке ко злу – естество добра сильнее к злу навывка: первое есть, второго нет – только когда содевается.

4. Все люди – по образу Бога; по подобию быть только тем, кто ради великой любви свою свободу поработил Богу: когда мы не свои – подобны ради любви с собой нас Примирившему. Достигнет этого тот, кто свою душу уверит за изменчивую славу жития не бояться.

5. Свобода – воление души разумной, с готовностьюдвигающее к тому, чего она захочет; и уверимся, что готова иметь не одно добро, и всегда благой мыслью будем стирать память о зле.

6. Свет истинного внимания – это без погрешения различение добра и зла. Тогда путь правды возводит ум к Солнцу правды; приводит в безграничное просвещение к Нему внимания впредь с дерзновением взыскующего любовь. И избавлять праведное от досаждать ему дерзающих должно гневом безгневным – ревнитель благочестия не ненавидя, но обличая показывает победу.

7. Духовное слово умное чувство убедит действием – оно с любовью от Бога несется, и без потерь наш ум пребывает в движениях богоразумия; скудостью не страдает, неся озабоченность, и так расширяется пониманием, как действие любви хочет. Всегда хорошо с верой, через любовь действующей, ждать просвещение, о котором сказано: нет ничего беднее мысли вне Бога, о Боге философствующей.

8. Нельзя непросвещенному налегать на духовные представления – как и обильно освещающемуся благостью Святого Духа братья за говорение: где невнимание несет скудость, где говорить не дает изобилие – душа, любовью Бога упиваясь, при умолкнувшем гласе хочет наслаждаться славой Господа. Итак, середине надо, наблюдая действие, слова богоглаголаные начинать: во-первых, эта мера устроение слов славных дарует, во-вторых, многоценность просвещения питает веру говорящего с верой, чтобы за любовь к вниманию учащий первым от плода вкусил – «прежде трудящемуся делателю подобает от плода вкусить».

9. С одной стороны, одного Святого Духа и мудрость, и внимание – как все божественные дарования – но словно собственное действие каждое имеет: «Одному дается мудрость, другому – внимание, тем же Духом», свидетельствует апостол. Внимание опытом соединяет человека с Богом, в слова на темы душу не подвигая – и кто-то из философствующих среди уединенной жизни просвещается им в чувстве, к божественным словам не приходя. А если вместе с вниманием среди страха подается мудрость – что редко, она объяснит сами действия внимания; и первому обычно действием, второй – словом просвещать. Внимание несет молитва и великое безмолвие при всесовершенной беззаботности, мудрость – нетщеславное раздумье о словах Бога, и прежде всего – подающего Бога благой дар.

10. Когда раздражающаяся часть души движется против страсти, знать должно, время – молчания, час – брани. Когда неустроение, видно, или от молитвы, или по милосердию в тишину пришло – пусть движется влечением божественных словес, путами смиренномыслия оберегая ума крылья: кто себя крепко не уничтожит, о величии Бога сказать не может.

11. Духовное слово всегда соблюдает душу нетщеславной – всем ее частям чувством света благодетельствуя, цену людей делает ненужной и всегда вне мечтания хранит мышление, всего его переменяя для любви Бога. Слово мирской мудрости всегда зовет человека к славолюбию, а опытом чувства благодетельствовать не может – хваля, дарит любление присущего себе, будучи созданием тщеславных людей. Расположение божественного слова познаем без обмана, когда с теплой памятью о Боге час безмолвия потратим на беззаботное молчание.

12. Себя любящий любить Бога не может. Себя не любящий «ради преизбыточествующего богатства» любви Бога – этот Бога любит, и никогда не ищет славу свою, но – Бога. Себя любящий ищет славу свою, Бога любящий любит славу его Создавшего. Души чувствующей и любящей Бога – всегда искать славу именно Бога во всех, которые исполняет, заповедях, а за свое смирение утешаться: Богу за величие слава подобает, человеку – смирение, чтобы ради него мы были населены Богом – что когда делаем, и мы, радуясь славе Господа, по святому Крестителю Иоанну начинаем говорить непрестанно: «Тому должно вознестись, мне – умалиться».

13. Знаю одного, так Бога любящего, и еще плачущего, что не как хочет любит – что душе его пребывать в теплом желании Бога в себе прославлять, себе – как несуществующему быть непрестанно. Этот не знает ни что он есть, ни что в самой похвале словесной: своего достоинства он не замечает в сильном пожелании смирения, но служит Богу, как по Закону священнодействуют, и крепким расположением боголюбия прячет память о своем достоинстве в глубину любви к Богу, похвалу за нее скрыв духом смирения, чтобы в мысли для себя всегда быть «непригодным рабом», чуждым своего достоинства пожеланием смирения. Что должно и нам: творя всю честь – бежать от славы ради преизбытка богатства любви так нас возлюбившего Господа.

14. Кто чувством сердца Бога любит – тот узнан Им. Как кто в чувстве души любовь к Богу примет – так в любви Бога будет и далее пребывает в сильном влечении к просвещению внимания, что и самим чувством костей ощущать это, уже не зная себя и любовью к Богу всецело изменяясь. Такой и присутствует в житии, и нет – еще обитая в этом теле и соединившись с Богом, движением души ради любви к Богу непрестанно отходит, впредь ради огня любви неотступно сжигая сердце понуждением желания, от любви Бога однажды выйдя из себя-любления: «Если из себя выходим, то для Бога, если здраво мыслим – то для вас».

15. Когда кто-то начнет в обилии чувствовать любовь к Богу – начнет и чувством духа ближнего любить, и это – любовь, о которой говорит все Писание. Любление по плоти слишком легко прекратится в силу обретенной мелкой причины – потому что к духу чувством привязалось; а случись некой распри настать при воздеваемой Богом душе – связь любви от нее не ослабнет: огнем любви к Богу пламенея, к благу скорее она зовется и с большой радостью любовь ближнего взыскивает, пусть весьма им или досаждалась, или отпускалась тща, и сладостью Бога всецело уничтожает горечь раздора.

16. Никто не может чувством сердца Бога любить, прежде не убоясь Его всем сердцем: через действие страха очищаясь и словно размягчаясь, душа приходит в действующую любовь. Но никто реченным образом не придет к страху Бога, если вне всего житейского не станет ум: тогда его беспокоит страх Бога, в сильном чувстве очищая от любой земляной дебелисти, чтобы так возвести к большей любви благодати Бога. Так страх – еще очищающимся, при средней любви; любовь совершенная – очистившимся, в которых уже нет страха – «совершенная любовь вон изгоняет страх»; и обоим им быть только тем праведным, которые действием Святого Духа еще работают над добродетелями – потому где-то божественное Писание говорит –

«бойтесь Господа все святые Его», где-то – «возлюбите Господа все преподобные Его», да уведали мы въяве: страх – у еще очищающихся праведников, в середине любви; у очистившихся любовь совершенна, в них уже нет понятия ни о каком страхе, но через действие Святого Духа отжиг непрерывный и соединение души с Богом по говоримому: «Соединилась душа моя с Тобой, и приняла меня десница Твоя».

17. Как случающиеся телу раны, если станут запущенными и в небрежении, врачами прикладываемые к себе лекарства не чувствуют, а очищенные – чувствуют воздействие лекарства, к скорому исцелению тут приходя, так душа, пока в небрежении, вся проказой сластолюбия покрывшись, страх Бога чувствовать не может, пусть страшный в силе Божий суд ей непрестанно будут предвещать. А когда через великую внимательность начнет очищаться, как цельбу истинной жизни чувствует божественный страх – действием обличений жгущее ее как огнем бесстрашие; и далее постепенно очищаясь, она достигает совершенства очищения, как прибавляя в любви – так оскудевая страхом, чтобы достичь совершенной любви, в которой нет страха, но ради славы Бога действующее совершенное бесстрашие. Итак, да будет нам в похвалу непрестанных похвал сначала страх Бога, а далее – любовь, исполнение Закона о Христе совершенства.

18. Душа, от мирских разумений не избавясь, ни Бога не полюбит искренне, ни дьяволом не возгнушается достойно; сразу тяжкое имеет покрывало – житейское попечение, и суждение свое о таком ум создать не может, чтобы без обмана испытать на себе приговор Суда. Итак, всегда уединение полезно.

19. Душе чистой присущи слово независтное, ревность незлобивая, непрестанное стремление к Господу славе – тогда при чистейшем взвешивании мысли находясь, ум тщательно располагает свои весы.

20. Вера без дела и дело без веры одинаковым образом будут отвергнуты: верному должно веру, показывающую дела, Господу приносить. И отцу нашему Аврааму не вменилась бы в праведность вера, если бы плод ее, сына, он не принес.

21. Любящий Бога и верит искренне, и дела веры совершает преподобно. У только верящего, в любви не пребывающего, и самой веры, которую мнит иметь, нет: с легкостью верит ум, весомостью славы любви не действуя. «Вера, любовью действующая» – мерило добродетели.

22. Глубину веры испытывающий колеблется, а простым расположением понимающий утишается: «вода забвения зла», она же глубина веры, бесполезным представлением понимание не терпит. Так будем плыть ее водами в простоте смысла, чтобы так гавани воли Бога достичь.

23. Никто не может ни любить, ни верить искренне, если себя сам имеет обличителем: когда наша совесть тревожит обличениями, ум благоухание премирных благ чувствовать себе не позволяет – сразу в сомнении раздваивается: за прежде полученным опытом веры теплым движением стремясь, чувством сердца за любовь взять свое силы не имея из-за укола обличившей совести. Теплой внимательностью себя очистив, с большим опытом о Боге желаемое мы получим.

24. Как к появляющемуся добру будто силой толкает нас чувство тела – так привычно ведет к незримому благу, когда вкусит божественной благости, чувство ума. Каждое всегда стремится к своему родству: душа, как бесплотная, к благам небесным, а тело, как прах – к пище земной. Без обмана к опыту нематериального чувства придем, если материю трудами истончим.

25. Одному чувству природным быть для души, учит нас само действие святого внимания – из-за преслушания Адама далее разделяющимся на два действия. Одно, простое, бывает в ней от Святого Духа – его никто не может познать, только ради надежды на грядущее благо от благ жизни с удовольствием избавляющиеся и всю тягу телесных чувств через воздержание угашающие. В них ум, двигаясь с благой силой, через неозабоченность может неизреченно чув-

ствовать божественную благодать, и по мере преуспевания, от радости она и телу передает безграничный смысл, любовью исповедования возвеселяя: «На Него уповало сердце мое, и помог мне; процвела плоть моя, и по воле моей исповедую Его». Тогда бывающая душе воистину радость – без обмана и телу напоминание о нетленной жизни.

26. Подвизающимся должно всегда хранить мышление неволнующимся, чтобы проходящие в нем помыслы различая, ум добрые и богопосланные откладывая в храмины памяти, а глупые и бесовские выбрасывал вон из житниц естества. И море утишается так, что самое глубинное движение рыб в нем ловащими зрится, и не утаивается ни одно из животных, там проходящих стези, а когда возмутится порывами ветра – помрачением возмущения прячет то, что в улыбке затишья видеть соревнует, и праздным видим бывшее искусство рыболовные придумывающих хитрости. Это всегда случится и понимающему уму пережить, особенно когда от несправедного гнева глубина души возмутится.

27. Для очень немногих тщательно познавать все свои падения, ум которых далее никогда не похищается от памяти о Боге. Как глаза нашего тела, когда здравствуют – видеть все до и пролетающих и скачущих в воздухе мошек могут, а когда покроются влагой или пылью, пусть и чему-то великому быть из встречающегося – видят это неясно, из малого же чувством зренья даже не чувствуют, так и душа: при тонкой внимательности от миролюбия случаемое ей повреждение и очень краткое свое падение в очень большое вменяя, непрестанно с великим благодарением слезы на слезы несет – «праведные исповедуют знание о Тебе»; а если с упорным расположением к бытию творит нечто смертоносное или достойное великого отщепенства – чувствует себя спокойно, о прочих же падениях даже намека не может знать, но часто вменяя их в достижения и с горячностью в защиту их слова сочиняя – жалкая, не стыдится.

28. Ум очистить – одного Святого Духа. Если сильный не придет и хищника не повергнет, добыча никак не будет освобождена; и всегда более миром души надо покоить Святой Дух, чтобы всегда иметь при нас светящий светильник внимания: когда он непрестанно блистает в храмине души, все горькие и темные прилоги бесов, святым и славным этим светом обличаясь, для ума не только явны, но и бессильны; и говорит апостол: «Дух не угашайте» – иначе, злодейством или злоумышлением не опечаливайте благодать Святого Духа, да не лишитесь этого поборающего светоча. И не вечный и животворящий угасает, но Его отвращение и печаль оставляет ум помраченным и несветлым по вниманию.

29. Одному чувству природным быть для души, а (остальные) пять служат нуждам нашего тела, учит нас Святой и человеколюбивый Божий Дух, и разделяется оно в движениях самой души после случившегося от поскользновения умом преслушания – и ведется страстной ее частью – тогда блага жития с удовольствием мы чувствуем, и часто сорадуется своему разумному и мыслящему движению – тогда ум наш к небесной красоте бежать, когда здраво мыслим, стремимся. Если к навыку пренебрегать благом в житии придем, сможем при участии так домостроительствующего для нас Святого Духа стремление души к земле соединить с ее рассуждающим расположением. Если храмину нашего сердца Его божество действительно озарит – сможем неразделяющимся чувством с всецелым расположением вкушать благо.

30. Чувство – умом точное восприятие различаемого. Как нашим телесным воспринимающим чувством в здравии доброе и худое без ошибки различая, мы стремимся к благому, так наш ум, когда с благой силой в великой беззаботности начнет движение – может в обилии чувствовать божественное утешение, противостоящим уже не увлекаясь. Как тело, вкушая земные приправы, имеет опыт чувства без ошибки, так ум, когда станет выше разумения плоти, может без обмана вкушать утешение Святого Духа – «вкусите и видите, как благ Господь», и через действие любви при испытании незабвенно помнить о восприятии без ошибки лучшего, по святому (Павлу), говорящему: «О том молюсь, чтобы в разумении и во всех чувствах более прибавляла ваша любовь, чтобы вам испытывать лучшее».

31. Когда наш ум начнет чувствовать утешение Святого Духа, тогда и сатана в ночном безмолвии, в тончайшем сне, в мнимо-приятном чувстве выбирает момент, душу зовет; и если ум обретется в очень теплой памяти держащим святое знание о Господе Иисусе и как оружием против обмана воспользуется этим святым и славным знанием – от хитрости лжец отступает и в подлинной сущности вступает в сражение с душой. Тогда ум, обман познав, тщательно в опыте различения лукавого преуспеваает.

32. Благое утешение бывает или бодрящим тело, или для грядущего сна начала явления, когда кто-то теплой памятью о Боге присоединится к Его любви. Лесть всегда приходит к подвизающемуся в тонком сне при средней памяти о Боге. Бывающее при благочестии от Бога хочет в сильном излиянии призвать к любви душу подвизающегося открыто – а иное веянием лести обычно развеять душу и опыт чувства ума, здравствующего относительно памяти о Боге, через сон тела украсть пробует. Если ум обретется прилежно вспомнившим о Господе Иисусе – он развеет это мнимо-приятное дуновение врага, и радуясь, против него воздвигнется на битву, как оружие имея вторую после благого дара – от опыта похвалу.

33. Когда несомневающимся и немечтательным движением душа от любви Бога разгорится, влеча и тело в глубину этой неизреченной любви – бодрствуя или реченным образом входя в сон и воздействуясь святым благим даром, и ничего, кроме того, во что двигается, совсем не разумея, знать должно – это Святого Духа действие. Сладостью неизреченной совершенно услаждаясь, здесь ничего иного разумеет она не может, радостью непоколебимой веселясь. Но если ум в действии получит сомнение вообще или скверное представление, и воспользуется святым знанием для защиты от зла и уже не только от любви Бога – думать должно, от обманщика утешение радости, и радость эта – бездельная и неположенная, вся хотящего впечатлением растлить душу врага. Тот как увидит ум, тщательным испытанием своего чувства хвалящийся – душу приглашает благовидным утешением, чтобы расхищаемой ей из-за слабящей и набрякающей приятности неуведанным стать смешению с коварством. Отсюда мы познаем Дух Истины и дух лести. Но божественную благодать чувством вкусить и горечь бесов испытать можно чувствительно, только если во вселении в глубину ума благого дара и прохождении по составу сердца лукавых духов убедимся – в чем уверенности у людей никогда не хотят бесы – чтобы ум, то уведав, памятью о Боге против них тщательно не вооружился.

34. Одна – природная любовь души, от Святого Духа ей бывающая, и есть иная, которая когда хотим, меняется по нашей воле, и если усилием своего выбора не держаться – легко расхищается лукавыми духами. Первая любовью к Богу разжигает душу так, что в безграничной простоте расположения всем частям души неизреченно благодатью присоединиться к божественному желанию – и духовным действием наполняясь, ум открывает источник любви и радости.

35. Как море, когда возмущено, при возливании на него масла имеет свойство уступать под его плотностью, побеждающей волнение, так наша душа, когда уплотняется благодатью Святого Духа – с удовольствием утишается и по сказанному Святым (пророком) с радостью побеждается: «Богу подчинилась душа моя» – этой бесстрастной и неизреченной благодатью приосеняясь. И сколько бы тогда раздражения не подстраивались бесами против души – она пребывает безгневна и полна всей радости, и кто в это входит – остается, если страхом Бога свою душу непрестанно питает. Страх Господа Иисуса приносит подвизающимся устроение чистоты; «страх Господа чист, пребывает в век века».

36. Слыша о чувстве ума, никто пусть не надеется увидеть им в видимом образе славу Бога. Мы говорим, при очищении души чувствовать – это в неизреченном восприятии божественного утешения, вместе с которым из незримого ничему не являться – «теперь мы следуем вере, а не видению», говорит безмятежный Павел. Если подвизающимся увиден будет свет или огневидный образ, видение он совершенно пусть не принимает, явленное – обман врага, который претерпев, многие по неведению с пути истины совратились. Мы, пока обитаем в тленном

теле, находимся в разлучении с Богом – то есть в видимом образе Его или нечто из Его пренебесных чудес видеть не можем.

37. Любовью Бога являемые душе сновидения у здравствующей души неложные и открывающие, и не прелагают один образ в другой, не пугают чувство, не смешат или омрачают вдруг, но со всей кротостью приходят к душе, наполняя ее духовным восторгом, и после пробуждения тела душа радость сновидения с большим желанием взыскивает. В мечтаниях бесов всегда все наоборот: в том же образе не остаются, образ долго несбивчиво не показывают – что по избранию они не имеют, только по своему обольщению заимствуют и на большее способными быть не могут; однако, и величавое глаголят, и прещают весьма, часто в воинский облик себя образуя, иногда и поют с криком душе – потому замечтавший ум, если очищается, узнав их – тело пробуждает, и бывает, радуется, что хитрость их узнать смог, и часто в самом сне обличая, подвигает их в великий гнев. Есть и благие сновидения, но радость душе они не несут и творят ей приятную печаль и без боли слезы – так бывает у преуспевающих в смиренномыслии великом.

38. О добрых и худых сновидений различении мы сказали, как услышали от бывших в искушении, а нам для большой добродетели хватит ни одному мечтанию не доверять: сны не более, чем образы блуждающих помыслов или, что чаще, демонов ругания; и если видение послано нам от божественной благодати, но мы его не примем – нами наш многожеланный Господь за это разгневан не будет – Он знает, что идем на это из-за хитрости бесов. Хотя прежде реченное различение и точно, бывает, душу неощутимым увлечением омрачив – чего без, думаю, никто не обретется, след точного распознавания терять и верить как доброму недобрым.

39. Да будет нам в образ предмета раб, которого господин ночью после долгой отлучки перед оградой дома зовет – однако, в открывании дверей слуга совершенно ему отказал – он побоялся, да не подобием гласа увлекшись, сподобится сам стать предателем которых тот от себя вверил вещей. И наставшим днем его господин не только не был разгневан, но и многих похвал удостоил его – ведь и голос владыки посчитал за обман, не желая что-то из его (вещей) погубить.

40. Когда ум начнет крепко воздействоваться божественным светом – становится весь проясненным, да так, что чтобы свет свой в изобилии видеть, ему не нужно искать. Так слово сбывается, когда сила души возобладала над страстями; а все, являющееся ему в образе или как свет, или как огонь – врага злохудожество, ясно учит нас божественный Павел, говоря о его преображении «в ангела света». Нельзя на этой надежде устанавливать аскетическое житие, чтобы здесь сатана не обрел душу готовой для увлечения. Пусть всем чувством и с убеждением сердца мы достигнем только любви Бога, что есть «всем сердцем, всей душой и всем помышлением», для чего, воздействуясь благим даром Бога, и уходим из мира, даже если и в мире есть.

41. Среди всех начальных добродетелей главным добром познано быть послушанию: до времени оно отвергает самомнение и рождает нам смиренномыслие, и для терпящих с удовольствием бывает дверью самой к Богу любви. Когда Адам им пренебрег – соскользнул в глубинный тартар, а Господь, его возжелав, до креста и смерти послушался слова домостроительства своего Отца, и это не будучи меньше Его в величии, чтобы через свое послушание упрек за человеческое преслушание изгладив, поживших в послушании возвести в блаженную и вечную жизнь. Итак, снова принимающим самомнение дьявола сначала к нему должно прилежать: идя впереди, оно без обмана покажет нам все стези добродетелей.

42. Воздержание – общее название всех добродетелей: «воздерживающийся должен воздерживаться от всего». Как у человека при отъятии от целости малейшего сустава через это прочая внешность сразу станет бесформенной, так небрегающий об одной добродетели все, будто не ведает (о нем), благолепие воздержания уничтожает. Итак, верно ревновать не только о добродетелях тела, но и о могущих очищать нашего внутреннего человека. Какая польза

сохранившему девственным тело, если бесом преслушания он душу растлил? Как увенчается от чревобесия и от любого желания тела поберегшийся, однако, о самомнении и славолубии не попекшийся, ни о том, чтобы короткую потерпеть скорбь – света правды весов, грядущих взвешивать дела правды, совершенных в духе смирения?

43. Все неразумные желания подвигающимся должно разуметь ненавидеть так, что ненависть к ним стяжать в навык; но воздержание от пищи верно соблюдать, чтобы никогда ко гнушению никакой из них никто не пришел – это от бесов и проклято совершенно. Мы воздерживаемся от них не как от худых – да не будет – но чтобы себя от многих и добрых снедей отторгнув, воспаляющиеся части плоти в меру наказать. Впрочем, и чтобы избыток наш, хозяйству довлея, перешел к нуждающимся – что и бывает чистой любви знаком.

44. Вкушение и питье от всего приготовляемого и с благодарением Бога предлагаемого никак правилу внимания не противоречит: «все хорошо весьма»; а от удовольствий и от многого с удовольствием воздержание рассудительным и внимательным является. Однако, преходящие удовольствия с удовольствием не презрим, если всем чувством с убеждением сладости Бога не вкусим.

45. Как тело, отягощающееся множеством пищи, делает сомневающимся и труднодвижимым ум, так ослабление сильным воздержанием понимающую часть души делает мрачной и не любящей разумение. Должно к питанию и движению тела готовиться так, чтобы когда здравствует, подобающе подвергалось мучению, а когда немоществует, в меру утучнялось. Не ослабляться телом нужно подвигающемуся, но достаточно для подвига быть в силе, чтобы и трудами тела подобающе очищалась душа.

46. Когда важничашее тщеславие воспламенится при наших братьях, или приход странников обретет поводом для своего зла – хорошо обычному образу жизни предоставить умеренное отдохновение: так бездействующим и даже оплакивающим приложенье руки беса отошлем, и правило любви рассудительно исполним, и через послабление тайну воздержания сохраним.

47. Пост имеет похвалу сам по себе, но не у Бога; он как инструмент, желающих располагающий к здравомыслию, потому подвигающимся в благочестии нельзя много мудровать на нем – но только в вере в Бога достигать исполнение нашего намерения. И умение в искусстве инструментами профессии не хвалится как результатом, но любое (из них) ждет образ приложения рук – чтобы по нему показать точность искусства.

48. Как земля, орошаясь в меру, в себя полагаемые семена изводит чистыми и с множайшим прибавлением, а напаваясь сильными дождями, терния несет и репей, так земля сердца, когда вино употребляем в меру, свои природные семена отдает чистыми и сеемое в себя от Святого Духа вознесет весьма многоплодным и растущим хорошо; но если от многопития отсыреет, поистине терния несет – все свои помыслы, да репейники.

49. Когда ум наш волнами многопития плывет, из-за острашения не только на образующиеся во сне образы от бесов взирает, но и выдумывая в себе благолепные виды, влекущие свои мечтания с жаром употребляет. Когда сообщающиеся органы разогреются кипением вина, великая нужда уму представить себе приятный образ страсти. Правильно для нас вреда излишествования избечь, применив умеренность. Когда ум не имеет удовольствия, тянущего его к живописанию греха – пребывает совершенно немечтательным и к лучшему неизнеженным.

50. Никакие приготовляемые напитки, которые подлинно застольными зовут выдумывающие это понятие, естественно для введения в утробу множества пищи – нельзя взыскивать хотящим наказать пухнувшие части тела. Не только качество их бывает наносящим вред телам подвигающихся, но и само бессмысленное смешение сильно уязвляет богоносную совесть. Чего недостаток в природе вина, чтобы примешиванием внося приправы, терпкость его смягчалась?

51. Наш Господь и этого священного жительства учитель Христос Иисус при страдании от слушающих дьявольским повелениям отпил уксус, чтобы оставить нам ясный пример рас-

положения священных подвигов. Это говорит: сладкими напитками и пищей нельзя пользоваться подвизающимся против греха, но более с выдержкой терпеть горечь сражения. Пусть к досаждению губкой с уксусом приложится и копье, чтобы в примере образ нашего очищения дан был совершенно: второе – острота собственно подвигов, первое – всегда очистительность совершенства.

52. Хождение в баню никто не объявит бестолковым или нелепым, однако, ради воздержания воздерживаться от этого и мужественно, и здравомыслено. Тогда это приятное увлажнение наше тело не изнежит, и не начнем вспоминать о бесславной нагоде Адама и разуметь о применении листьев для прикрытия вторичного срама. Недавно вырвавшиеся из жития совершенной гибели более через красоту здравомыслия с чистотой своего тела должны соединиться.

53. Во время недуга нет запрета звать врачей – из человеческого опыта ожидалось сложиться искусству, и издавна лекарства существовали. Неверно надежду о исцелении иметь на них, но – на нашего истинного спасителя и врача Христа Иисуса. Это говорю исполняющим намерение воздержания в монастырях или в городах, из-за невозможности благодаря случающимся несчастьям имени ими согласно любви действия веры непрестанно, и ради в тщеславие и в искушение диавола их не впадения, из-за которых кто-то из них обещает врачей больше не звать. А кто осуществляет отшельническое житие в пустынных местах, среди двух или трех единомравных братьев, в какое бы не впал страдание – с верой пусть приводит себя к одному Господу, исцеляющему наш любой недуг и любую язву – имеет он достаточную после Господа исцеляющую недуги пустыню. Такой относительно действия веры никогда не оскудеет, и более ни в чем выказывание добродетели терпения не обретет, доброй пустыней пользуясь, завесой – чего ради «Бог вселяет единомышленников в дом».

54. Если случающиеся с нами расстройства тела сильно ненавидим, знать должно – душа наша еще поработается пожеланиями тела и желает материальное довольство, и не только не хочет уйти от благ жития, но и за большое неудобство считает из-за недугов невозможность пользоваться его радостями. А если тяготы недугов она принимает с благодарением – извещается, что от пределов бесстрастия недалеко и смерть по-сути как причину истинной жизни с радостью ждет.

55. Душа разлучиться с телом не захочет, пока ее расположение к видам (природы) не станет безразличным. Все чувства тела вере противостоят и находятся в преходящем – а она хвалит многоценность только грядущих благ. Итак, о деревьях раскидистых и тенистых, о источниках прекрасно текущих и лугах пестрых, и домах благолепных, и родственных схождениях не следует размышлять подвизающемуся; ни, случись, вспоминать честное торжество – но с благодарением пользоваться необходимым и житие вменить в странный путь, пустой от любого плотского расположения: лишь так стеснив нашу мысль, всю ее обратим вслед вечного пути.

56. Что зрение, вкус и прочие чувства, если сверх меры используем их, расхитят сердечную память, поведала нам первая Ева: пока на запретное древо сладко не возрела – прилежно помнила божественное повеление и покрывалась крыльями стремления к божественному, отсюда не ведая своей наготы, а когда с услаждением древо узрела и с сильным желанием его коснулась, и далее с энергичным удовольствием от плода его вкусила, сразу донаслаждалась до телесного сплетения – как нагая, со страстью соприкоснувшаяся, и по плода мнимой приятности все свое желание отдала вкушению сиюминутного, добавив к своему и падение Адама – и впредь ум человека с трудом может помнить о Боге и о Его заповедях. Мы же, с непрестанной памятью о Боге всегда в глубину нашего сердца взирая, пусть как подслеповатые на глаза идем этим жизнелюбивым путем; хранение всегда неоперенным устремление своих очей – для философии поистине духовной. Этому учит нас и многоискуснейший Иов – «если пошло в след ока сердце мое». Этот принцип бывает признаком отличного воздержания.

57. Всегда пребывающий в своем сердце отступает от радостей жития: духом идя, желание плоти уведать не может и далее совершает путь под охраной добродетелей, добродетели имея «стражами чистоты града»; и впредь бесполезны выдумки бесов на его счет – пусть иногда стрелы вульгарного влечения и достигнут окон естества.

58. Когда радостей земли душа наша более не вожделевает, часто уныние вкрадывается в ее ум – с удовольствием держаться мысленного служения не позволяя и не оставляя ясное пожелание грядущих благ, и слишком обесмысливая временную жизнь как достойного дела добродетели не имеющую, и само внимание уничтожая как многим другим по достоинству данное, однако, совершенно ничего не обещающее значить для нас. Этой уморяющей и разленивающей страсти мы избежим, если для нашей мысли поставим очень тесные границы, взирая только на память о Боге. Так вернув свою теплоту, от этого неразумного разлада ум сможет уйти.

59. Ум, если все его пути заградим памятью о Боге, всегда требует от нас исполнить дело, должное ему – свободное движение, и надо дать ему только «Господи Иисусе» на все осуществление намерения – «никто не может назвать Иисуса Господом не в Духе Святом». Но пусть так кратко определив, всегда внутри себя это он понимает, чтобы не совратиться в мечтание; и кто в глубине сердца это святое и славное знание понимает непрестанно, некогда сможет увидеть свет своего ума. Кратким воспоминанием мысли держась, в чувстве изрядном всю находящую на душу скверну оно пожигает – «наш Бог – огонь поглощающий»; и впредь Господь зовет душу к великой любви своей славы, и благодаря памяти ума надолго оставленное славное и многожеланное Его имя и теплота сердца привыкание к любви Его благодати и далее полное отсутствие связывающего нас всегда творит – это и есть многоценная жемчужина, которую можно стяжать, ради нее продав все имение, и о обретении ее иметь неизреченную радость.

60. Есть радость начальная, и есть другая – завершающая. Первая бывает причастна мечтанию, вторая имеет силу смиренномыслия, а между ними – боголюбивая печаль и без боли слезы: «В большой мудрости много разума, а прибавивший разум прибавит болезнь». И сначала надо начальной радостью призвать душу к подвигам, а затем ее повинить и впредь истиной Святого Духа испытывать о сотворенном зле или какие еще творит мечтания: «В обличении о беззаконии наказал человека и как паутину истончил душу его» – чтобы при божественном обличении как в горниле искушении при горячей памяти о Боге она приняла действие немечтательной радости.

61. Когда душа гневом возмущается или объядением смущается, или недовольством тяжким тревожится, не может ум держать – пусть кто себя и принудить хочет – память о Господе Иисусе: весь лютостью страстей омрачась, пребывает он совершенно чуждым своего чувства, и желание не имеет где запечатлеть свою печать, чтобы при жестокой памяти о бывающей от страстей дикости мышления ум нес устроение раздумья незабвенно. А если вне этого будет – даже если забвением вожделенное ненадолго незаметно украдет, тут воспользовавшись своим свободным движением, снова с теплотой он примется за эту многожеланную и спасительную охоту: имеет тогда с собой свою радость душа, и поучающую, и совопиющую – «Господи Иисусе», как когда мать указывает, а затем поучается со своим отрождением имени отца, пока вместо другой не входит она в навык, как подобающая младенцам – отца, даже когда спит, звать, беседы. И говорит апостол: «Так Дух помогает нам в немощи нашей; ведь о чем молиться, как подобает, не знаем, но сам Дух неизреченными воздыханиями ходатайствует за нас». Пока при усовершенствовании молитвенной добродетели мы младенчествуем – во всем себе требуем помощи, чтобы всеми нашими помыслами, от всего расположения охватываемыми и радующимися, к Его неизреченному удовольствию, и к памяти о Боге и нашем Отце, и любви мы подвигались – поэтому когда Им Бога Отца располагаемся звать, в себе непрестанно восклицаем: «Авва Отче!» – как снова говорит божественный Павел.

62. Обычно гнев более других страстей смущает и возмущает душу – но бывает, великую ей приносит пользу. Когда против нечестующих или иначе бесчинствующих, чтобы были спасены или устыдились, его без смущения мы употребим – ходатайствуем прибавление ей кротости, потому что с намерением Бога о благодати и праведности совершенно сходимся; и когда женоподобие ее сурово подвергаем гневу – часто получаем мужество против греха; и когда в сильном упадке духа бесу тления вдохновенно запретив, выше возношения смерти рассудим – нельзя сомневаться; чему Господь да научит нас дважды: когда аду в Духе Он запретил и себя возмутил – хотя без возмущения одним желанием творит все необходимое, так душу Лазаря телу Он возвратил; и мне кажется, что здравомысленный гнев скорее как оружие предоставлен нашей природе от создавшего нас Бога, который если Ева употребила бы против змея – никак не воздействовалась бы тем страстным удовольствием; и мне видится, что по ревности к благочестию вместе со здравомыслием использующий гнев – на весах воздаяния всегда обретется более искусным, чем из-за трудновжимости ума совершенно в гнев не подвигающийся. Второй явится с необученным управлением человеческого ума, а первый всегда в страхе Бога учась воздержанию и сражаясь на конях добродетели, в центр строя бесов ведет колесницу, которую при взятии божественного Илии обретем в Писании нареченной колесницей-Израилем: прежним иудеям четыре добродетели хорошо показал, обратившись, Бог – и на огненной колеснице взят был такой здравомыслящий мудрости питомец, свои, кажется мне, добродетели как лошадей употребивший в Духе, подхватившем его дуновением огня.

63. К святому вниманию приобщившийся и сладости Бога вкусивший не должен возводить на кого-то суд и отсуживать, пусть и то, во что он одет, отнимут – ведь праведность князей мира сего всецело побеждена праведностью Бога – точнее, перед правдой Бога она – ничто. И какая разница между питомцами Бога и людьми века сего как не та, что перед праведностью – их правда оказывается несовершенной, так что одной называться «человеческой правдой», а другой – «божественной праведностью». И наш Господь Иисус не только «укоряем, в ответ не укорял, и страдая, не запрещал», но и отъятие одежды молча стерпел и, скажу больше, Отцу говорил о спасении злодеев; а житейские люди отсуживать не прекратят, пока даже с прибылью к прежнему не возьмут вещи. Так часто их правда, особенно когда на долг взять проценты – начало великой неправды.

64. Нельзя, слышал я от благоговейных вещающих, позволить первым встречным расхитить то, что мы имеем для проживания своих или для спокойствия бедных – особенно если так страдаем от христиан, да не поспособствуем бестолковости нас обижающих, через которых зло терпим. Это не что иное, как по неразумному поводу своего желать больше, чем самого себя – ведь если прекратив молитву и прилежание к своему сердцу, возведу суд на хотящих выказать мне зло – помалу я начну и «проводить суд в преддворье», естественно потому, что защищаемое считаю важнее своего спасения, да не скажу – самой спасительной заповеди. Как я всецело последую повелению Благой вести, велящей мне, «у забирающего твое не забирай», если по апостольскому слову с радостью не потерплю отбирание имеющихся у меня вещей; и никто, отсудив и сколько хотелось отобрав, не освободит от бестолковости лихоимца? Глennые суждения нетленный суд Бога предустановить не могут; подсудный всегда исполняет законы те, по которым ему за вину ответить придется. Значит, насилие хотящих нас обидеть хорошо перенести и молиться за них, чтобы через раскаяние, а не через отдачу нашего, которое отняли, снят был упрек лихоимства: праведность Господа хочет лихоимца, а не лихое имение некогда через раскаяние отобрать у бестолковости свободным.

65. Весьма достойно и всегда в помощь, познав путь благочестия, тотчас нам все сущее у нас продать и от этих денег по Господней заповеди помочь бедным – без того, чтобы из-за желания заповедь исполнять всегда, повеление Спасителя не слушать. От этого сначала нам будет добрая беззаботность, а потом – ненаветная бедность, которая любой неправды и любого суда рассуждает выше по уже не имению нами огня, возгорающегося у имеющих избыток

материального; и более других добродетелей смиренномыслие согреет нас и ставших нагими на своем лоне упокоит – согреет как мать, принявшая дитя в свои объятия, когда по младенческой простоте оно далеко отбросит совлеченную одежду, по великому беззлобию более наготой, чем пестротой одеяния тешась: «Господь хранит младенцев. Я смирился – и Он спас меня».

66. Господь взыщет с нас слово о милостыни всецело по тому, что мы имеем – не по тому, чего не имеем; и если то, что я имел дать за долгое время, по страху Бога и по доброте за краткое время расточу, о чем еще, ничего не имея, буду спрошен? Но скажут: «Откуда далее помилуются привыкшие помалу получать помощь из наших устроенных бедные?» – Такой пусть научится из-за своего сребролюбия Бога не упрекать. Не оскудеет Бог, как от начала устраивающий свое творение. И до того, как тот или другой подвиглись к милости, нищие крова и пищи не лишались; и по познанию этого свои желания возненавидевшим хорошо через благое служение нерассудительную похвальбу от богатства отвергнуть – что и есть возненавидеть свою душу; и радуясь о рассеянии денег, и ничего доброго не делая, нашу душу мы весьма уничтожим. Пока изобилуем деньгами, мы слишком радуемся, потому что в нас присутствует действие блага при их расточении и радушном служении божественному повелению, а когда все исчерпаем – безмерная печаль и смирение придут к нам, как ничего достойного праведности не делаем, и далее в великом смирении душа обратится на себя, и то, что за день не имеет стяжать от милостыни – обретет себе от терпения, смиренномыслия и трудной молитвы: «Нищий и убогий вознесет имя Твое, Господи». Дар богоразумия приготовится Богом тому, кто сам приготовит себя так, чтобы все бывающее у него отдать ради славы Благой вести Бога, чтобы в боголюбивой бедности нести Благою весть о богатстве царствования Бога. Сказавший, «благость Твою приготовил нищему, Боже», и добавивший, «благовествующему Господь даст слово с силой великой», на это ясно указал.

67. Все дарования нашего Бога добры весьма и всей благодати преимуществы, но ничто наше сердце не воспламеняет и не движет к любви Его благодати так, как богоразумие. Будучи рождением прежде всего благого дара Бога, всегда оно первым даром душе даруется; и нас, радующихся, вместо тленных желаний имеющих неизреченное богатство – слово Бога, прежде сподобит пренебречь всей дружбой с житием, а затем озарит ум наш огнем перемены и сопричастным служащим духам его сделает. И дорогие, искренне предуготоваясь, эту добродетель мы да возжелаем: благолепную, всепонятливую, всей беззаботности ходатаю, в сиянии неизреченного света питающую ум словами Бога – да не много скажу – вслед за святыми пророками разумную душу с Богом Словом обручившую для неразлучного общения, чтобы и от людей, о чудо – богоданные вещания Невестоводитель присоединил к божественным, чисто воспевающим Бога силам.

68. Часто из-за великой тесноты и обстоятельности молитвенной добродетели ум наш держит молитву с трудом, и радуясь от широты и свободы божественных представлений, занимается богоразумием. Но его желанию много говорить мы свободу не дадим и не позволим сверх меры окрылиться радостью: больше молитвой, псалмопением и святых Писаний чтением займемся – презрев представления человеческого любословия, в которых о вере узнают по словам – да свое то так не сделав, сподобимся слово благого дара смешать с изречениями, и большой радостью и многословием ум разорив, тщеславием позволим стащить его вниз. Во время понимания мы сохранимся вне любого мечтания и от этого почти все в нем на слезные перестроим мысли. Во время безмолвия успокаиваясь и более радуясь от удовольствия молитвы, он не только преждедеченных вин вне бывает, но при преуспевании его в различении и понимании, от великого смирения более и более обновляется в остроте и без труда нагружается божественными представлениями. Но знать должно: молитва любой широты выше и бывает только у того, кто во всем чувстве и с убеждением наполнился святым благим даром.

69. Сначала обычно благому дару в большом чувстве своим светом душу озарить. Потом чтобы нас, радующихся, при прежде бывающих подвигах призываемых от невнимания к вниманию направить в след божественных представлений и в середине подвигов сохранить наше внимание нетщеславным, часто неведомо она задействует в богоразумной душе свои тайны – и нам, покинутым, должно в меру печалиться, чтобы более мы были смирены и подчинены славе Господа – и радоваться, благовременно окрыляясь благой надеждой, ведь как большая печаль ведет душу к безнадежию и неверию, так большая радость зовет к самомнению – о еще младенствующих я говорю. Просвещения и оставления – средний опыт, печали и радости – средняя надежда: «терпя, потерпел Господа, и услышал меня»; и снова: «по множеству болезней моих в сердце моем утешения Твои возвеселили душу мою».

70. Как часто отворяемые двери бани внутреннее тепло скоро изгонят вон, так душа, когда хочет много поведать – если и все доброе скажет – эту Симплигаду помышлений беспокойно первым встречным поведывая, свою память через «гласящие врата» разорит, и далее благовременных мыслей лишится, и не соблюдя себя в немечтающем разумении, Святого Духа не имеет. Всегда чуждаясь любого возмущения, благо бежит от многословия как от мятежа. Итак, добро – благовременное молчание, бывающее не иным, как матерью мыслей премудрейших.

71. Итак, слово о внимании учит нас, что сначала многие страсти докучают богоразумной душе, и более всех гнев и ненависть, и страдает она не столько из-за бесов, так действующих, сколько ради своего преуспевания: пока душа мирским разумением ведется, если попираемую правду видит – остается недвижимой и невозмутимой, и разумея по своему желанию, на правду Бога не смотрит. Но когда за презрение к преходящему и любовь к Богу станет выше своих страстей – отвергаемую правду не переносит видеть даже во сне, и на злодеев негодует и возмущается до тех пор, пока не увидит досадителей благочестивым помыслом отвечающими достоинству праведности; и неправедных ненавидит, а праведных – превозлюбляет, потому что когда свою завесу, плоть, через воздержание выделает до великой тонкости, око души становится ничем не увлеченным. Но много лучше не ненавидеть неправедных, а оплакивать их бесчувствие. Пусть ненависти они бывают и достойны, но тревожить ей боголюбивую душу Слово не хочет. Когда в душу входит ненависть, не действует внимание.

72. Богоразумный, радуя и разжигая душу словом Бога, со временем достигает простора бесстрастия: «слово Господа – слово чистое, серебро раскаленное, очищенное от земли»; внимательный становится выше страстей, утвердись по действию опыта. И богоразумный быстро увидит опыт внимательный, если смиренно себя поведет, а внимательный – внимательную добродетель, если различающую часть души имеет непогрешающей. Обоим дарованиям ни в ком присутствовать не бывает, чтобы при обоих удивляющихся тем, в чем его другое превосходит – от ревности о праведности преумножалось в них смиренномыслие. И говорит апостол: «Одному Духом дается слово мудрости, другому слово разума, тем же Духом».

73. Когда душа в изобилии природного дара – более вслух хочет молиться и велегласно поет псалмы, а когда воздействуется Святым Духом – с совершенной легкостью и радостью молится и поет псалмы в одном сердце. За первым расположением идет замечтавшая радость, а за вторым – духовные слезы, и после – безмолвный восторг. Теплая память, держась через размеренность голоса, готовит сердце нести всегда остужающие и кроткие размышления. Так можно увидеть семена молитвы ради надежды на радость жатвы в землю сердца со слезами всевающихся. Но когда отягощаемся сильным нерасположением, должно нам тверже голосом совершать псалмопение, с радостью надежды возводя вещания души, пока это тяжелое облако не рассеется веяниями пения.

74. Когда душа не возмущена попечениями жития, тогда становясь в самопознании, от себя несет теплое боголюбие и рождает стремление к миру согласно Богу, мир взыскующему. Но прежде данная память или быстро разорится чувствами, или благо ее природы уни-

чтожится из-за скудости – и эллинские мудрецы то, что думали достичь через воздержание, как должно это не имели из-за недействования на их ум всеистинной и приснотекущей мудрости. От Святого Духа сердцу несущееся тепло прежде всего все мирно и непоколебимо – все части души зовя к желанию Бога и не вне сердца изливаясь, но в безграничной радости и любви всего человека больше радуя ради себя – и должно это познав, достичь. Знаком естества, здравствующего в воздержании, бывает природная любовь, но так, как духовная любовь, укрепить ум для бесстрастия она никогда не сможет.

75. Как этот воздух, идя на нас с севера, по тонкой и производящей ясность природе веяния с обретением пребывает чист, а вея с юга, весь тяжелеет от гнетущего рода естества этого ветра, из своих пределов тучи несущего на всю вселенную – так и душа: когда воздействуется вдохновением истинного и Святого Духа, обретается вне всей бесовской мглы, а когда страстно вдохновится духом лести – вся скроется под облаком бестолковости. Итак, всегда верно для нас со всей силой изволение обращать к животворящему и очищающему дуновению Святого Духа, которого в свете внимания видел «с севера Духом грядущим» пророк Иезекиль, чтобы наша понимающая часть души всегда оставалась по преимуществу ясной для неложного достижения нами божественных представлений в воздухе света – на свет взирающих. Это – свет истинного внимания.

76. Кто-то почел, что в уме омытых благой дар скрывается вместе с бестолковостью, и Дух Истины – вместе с духом лести; и говорят, с одной стороны ум призван к доброму, а с другой – сразу к противоположному. Я из божественных Писаний и из самого чувства ума постиг: сначала благой дар святого омовения побуждает к доброму душу извне, а сатана гнездится в ее глубинах, пытаясь закрыть все правые пути ума, но с часа, когда возродимся – бес станет вне, а внутри – благой дар; и обретаем, что как прежде над душой господствовала лесь, так после омовения господствует над ней истина. Но и потом сатана действует на душу, часто горше прежнего, но не соприсутствуя благому дару – да не будет, а из-за слякотности тела окуривая ум приятностью бессловесных удовольствий. От Бога позволено этому быть, чтобы человек, пройдя через огонь испытания и волнение, если он хочет – стал бы во вкушении блага: «мы прошли через огонь и воду, и Ты вывел нас в покой».

77. Сказано, что с минуты, когда мы омылись, благой дар скрылся в глубине ума, скрыв от его чувства свое присутствие, а когда кто-то всем изволением начнет стремиться к Богу, тогда часть его благ через чувство ума неизреченным словом беседует с душой, и желающий впредь твердо держаться совершенного обретения этого начинает с большой радостью отдавать все переходящие блага, чтобы действительно обрести поле, на котором обрел скрытое сокровище жизни – потому что когда отдают все житейское богатство, обретают место, где скрыт благой дар Бога, и по преуспеянию души божественный дар ее уму являет благость. Но тогда Господь позволяет и бесам более тревожить душу – чтобы само различение добра и зла изучила как должно, и пока очищается, сделать ее смиренней от великого ей стыда из-за скверны бесовских помышлений.

78. Мы – по образу Бога умным движением души, и раз тело – дом ее, из-за преступления Адама не только черты облика души омрачились, но и наше тело подпало тлению; и святое Слово Бога воплотилось, как Бог через свое омовение даровав нам воду спасения для возрождения, чтобы через воду действием Святого и животворящего Духа мы возродились; и когда от всего расположения приходим к Богу, тотчас и душу, и тело очищаем – со Святым Духом в нас вселяющимся и бестолковостью Им изгоняющейся. При едином и простом облике души, двум лицам, как возомнил некто, быть в ней невозможно; при божественном благом даре, через святое омовение соединенном с душой в залог подобия с преданностью безграничной – где к чертам по образу может быть лицо лукавого помещено, если у света с тьмой нет именно никакого общения? Итак, мы верим скороходам священных подвигов через купель нетления многовидного змея из храмин ума извергнуть, но не удивимся, если даже после омовения за добрым

иногда снова мыслим худое. Купель святости снимает с нас скверну греха, но двойственность нашей воли тотчас не переменится, и бесам сражаться с нами и обманывать нас не запрещено – чтобы то, что не сохранили, будучи душевными, приняв оружие праведности, мы сохранили бы силой Бога.

79. Сказал я, через святое омовение сатана из души изгоняется, однако, по прежде реченым причинам позволено ему через тело воздействовать на нее. В самую глубину души, в ум, вселяется благой дар Бога – «вся слава дочери царя внутри» – не показываясь бесам, и когда с теплотой вспоминаем Бога, из самой глубины нашего сердца божественное и ключом бьющее чайние чувствуем – а лукавые духи впредь напирают на чувства тела и гнездятся в плоти из-за уступчивости действуя на еще младенствующих душой; и ум наш по апостолу всегда сорадуется законам Духа, а чувства тела гладью удовольствий вестись хотят. Через чувство ума благой дар неизреченным радованием радуется и тело преуспевающих во внимании, а бесы через чувства тела – особенно обрета нас поприще благочестия проходящими небрежно – душу пленяют насильно, во что не хочет, зовя ее – убийцы.

80. Из сказанного евангелистом, «свет во тьме светит, а тьма его не взяла» – двум лицам, благого дара и бестолковости, вместе входить в сердце верных говорящие хотят составить свое предположение – «если в душе божественный свет сближается с тьмой беса, божественная светлость от сопребывания с лукавым не сквернится». Но рассуждая от святых Писаний, самим евангельским словом они обличатся: Слово Бога, истинный Свет удостоил творение своего явления в плоти и безмерным человеколюбием возжег среди нас свет святого к себе внимания – но мирское разумение совет Бога не приняло, то есть – не познало; разумение плоти – вражда Богу, потому таким речением и выразился Богослов. И говоря чуть позже, божественный добавляет: «Был свет истинный, который освещает каждого человека, идущего в мир» – не «ведет» и не «животворит». «В мире был, и мир через Него стал – а Его не познал. К своим пришел – а свои Его не приняли. Которые же приняли Его – дал им власть детьми Бога стать, верящим в знание о Нем». И мудрейший Павел говорит, толкуя «не взяла»: «Не потому, что уже получил или уже совершен – я стремлюсь, чтобы взять – для чего взят был Христом Иисусом». Так что Евангелист говорит «не взять свет истинный» не сатане – от начала он чужд Его, и в нем Он не светит – но людям, о силах и чудесах Сына Бога слышавшим, но из-за своего омраченного сердца к свету внимания приблизиться к Нему не хотящим, через слово по достоинству он выговаривает.

81. Слово о внимании учит нас о существовании двух родов лукавых духов: одни из них тонкие, другие более материальные. Именно тонкие воюют с душой, другим обычно пленять плоть через сальные утешения; и всегда у них противоречие друг с другом – с душой борющихся бесов, и с телом – пусть равное изволение они имеют людям вредить. Когда в человеке не обитает благой дар, в глубине сердца истинно гнездятся по-сути змеи, никак не позволяя душе для пожелания блага прозреть; а когда в уме скроется благой дар, далее через пределы сердца словно мрачные тучи проходят, образуясь в греховные страсти и пестрые мечтания, чтобы воспоминание ума погрузив в мечты, от беседы с благом даром его отторгнуть. И когда тревожащими душу бесами разжигаемся к душевным страстям, особенно к самомнению, которое мать всех зол – высокомерие славолубия мы быстрее устыдим, помышляя о разложении нашего тела. Это должно делать, и когда бесы приготовятся нагреть наше сердце, нападая на тело срамными желаниями – только это рассуждение при памяти о Боге может совершенно упразднить вмешательство лукавых духов. Но если этим рассуждением о человеческой природе они сами неискусно нас уничтожат – душевные бесы внушают, будто сама плоть недостойна никакого слова, и любят делать это, когда хотят их наказать такой мыслью – далее, невзирая на мрачность и горечь Суда, мы да мыслим о чести и славе Небесного Царствования – и в упадке дух наш приободрим, и изменчивость нашего сердца привяжем.

82. В Благой вести Господь учит нас: когда вернувшись, сатана обретет свой дом, бесплодное сердце, выметенным и незанятым, он берет семь других духов – и входят в него, и гнездятся, для человека последнее творя горше первого; и надо думать, что пока в нас Святой Дух, сатана не может, войдя, в глубине души остаться; и божественный Павел открыто учит ум наш пониманию этого – подвижническим вниманием узрев очертание принципа, он говорит так: «Радуюсь закону Бога по внутреннему человеку, но вижу другой закон в суставах моих, воюющий против закона моего ума и пленяющий меня законом бестолковости, существующим в моих суставах»; а из совершенства – «теперь тем, кто во Христе Иисусе нет никакого осуждения; закон Духа жизни освободил меня от закона бестолковости и смерти»; и в другом месте говорит, чтобы снова научить нас, что на душу, соединяющуюся со Святым Духом, сатана воюет из тела: «Встаньте, препоясав ваши чресла истиной, облекшись в броню правды, обув ноги для готовности нести благую весть о покое, над всем приняв щит веры, которым сможете вся разжженные стрелы лукавого угасить, и примите шлем спасения и меч духовный, который есть слово Бога». Но одно – пленение, другое – борьба. Первое – знак насильного увода, второе – при равной силе явление подвига, потому и говорит апостол, что на христоносные души диавол наступает разженными стрелами. Слабый для своего противника всегда использует против него стрелы, чтобы издали сразившись с ним, смочь поразить полетом стрел; и сатана, раз из-за присутствия благого дара как прежде гнездиться в уме подвизающихся не может – впредь налетает через слякотность и гнездится в теле, чтобы через его уступчивость душу оболести; поэтому тело должно в меру изнурять, чтобы из-за его слякотности ум не соскользнул в гладь удовольствий. Следует увериться апостольским речением: ум подвизающихся воздействуется божественным светом и сорадуется, и работает по божественным законам, а плоть из-за своей уступчивости с радостью принимает лукавый дух и иногда вовлекается работать на его лукавство; а что уму общим жилищем Бога и дьявола не быть явлено особо: как – «я умом моим работаю закону Бога, а плотью – закону греха», если не потому, что мой ум, с радостью трудясь ради благодати благого дара, со всей свободой встал на битву с бесами, а тело с удовольствием принимает запах бессловесных удовольствий, как сказано, из-за позволения гнездиться в нем у подвизающихся лукавым духам оболещения. «Знаю, не живет во мне, то есть в плоти моей, благо» – это для противостоящих греху по среднему подвигу, не про себя апостол это говорит. Против ума бесы воюют, когда сальными утешениями пробуют склонить плоть к глади удовольствий – по праведному суду иногда допускается им пройти по глубинам тела и в усердно подвизающихся против греха, чтобы самостоятельности человеческого разума всегда быть в испытании, и кто сможет через труды еще живым омертветь, далее весь становится домом Святого Духа. Такой прежде смерти воскрес – словно то был сам безмятежный Павел или кто-то из в совершенстве подвизавшихся и подвизающихся против бестолковости.

83. От себя сердце несет помышления добрые и недобрые – недобрые мысли плодоносятся не по естеству, но из-за Первого обмана сразу получив в навык память о недобром; и от бесов она принимает многие и лукавые горести, и всех их как произошедших из сердца мы чувствуем – вот некто и почел вместе с благим даром в уме быть бестолковости, и говорит: «Господь сказал – „то, что исходит из уст – от сердца идет, и это сквернит человека. От сердца идут помышления злые, и это сквернит человека“», и прочее. – Не знает он, что из-за действия плоти воздействуясь тонким чувством через смешение при уступчивости тела, которая к этому душу быстро ведет, подкидываемые ему лукавыми духами помыслы ум наш делает своими, мы будто не ведаем; и потому что плоть всегда хочет с неумеренностью оболещаться обманом, от бесов всеваемые в душу помыслы кажутся исходящими из сердца – мы их делаем по-сути своими, когда сорадоваться им захотим, что укоряя – как являет это божественное речение – Господь и употребил прежде сказанное выражение: от лукавства сатаны подбрасываемым ему помыслам сорадующийся и память о них на своем сердце пишущий отнюдь не неведает – далее из своей мысли он плодоносит их.

84. В Благой вести Господь говорит, что изгнать сильного из его дома можно, если сильнейший его, повергнув и связав, изгонит. Так как с таким позором изгоняемый может снова войти и как хочет сопребывать истинному домохозяину в его отдыхающем доме? – Государь, себе сопротивляющегося тирана поборов, в царских палатах присутствовать ему и не помыслит – лучше сразу казнит, или связав, для дальнейшего мщения и плачевной смерти своим воинам отдаст.

85. Тот, кто из того, что нам помышлять доброе вместе с худым, Святому Духу и дьяволу мнит в ум вместе вселиться, пусть учит: это бывает из-за еще не вкушения и не узрения нами, что благ Господь. Как сказано, сначала благой дар в омытых присутствии свое скрывает, ожидая изволение души, а когда весь человек обратится к Господу – в неизреченном чувстве открывает сердцу присутствие свое и снова ждет движение души – позволяя, однако, бесовским стрелам достигать глубины ее чувства, чтобы с теплейшим изволением и смиренным расположением она взыскала Бога. Итак, если в хранении заповедей человек начнет идти вперед и непрестанно призывать Господа Иисуса, огонь святого благого дара захватит и внешние чувства сердца, с убеждением сжигая сорняки земного человека, и бесовские наветы от своей цели лягут далеко – впредь легко уязвить страстность души. Когда человек именно все добродетели подвига стяжет – особенно совершенную нестяжательность, благой дар в глубоком чувстве озарит все его естество, впредь согревая великой любовью Бога, и бесовские стрелы угаснут вне чувства тела: дуновение Святого Духа, сердце двигая веяниями умиротворения, еще в воздухе стрелы огненного беса летящие гасит. Но иногда Бог и достигшего этой меры оставляет злу бесов, отпустив его ум без просвещения, чтобы нашей самостоятельности, не всегда Им путями благого дара связанной, побеждать бестолковость не только через подвиги, но и через долг человека преуспевать в опыте духовном – потому что в сравнении с богатством любви к чести воспитывающего нас Бога мнение воспитуемого пребывает еще совершенно несовершенным – пусть всю показанную Иакову лестницу и сможет кто-то пройти преуспеянием в трудах.

86. Сам Господь говорит, что сатана пал с Небес как молния – чтобы даже не видел безобразный обитание святых небесных вестников. Тогда как общения с добрыми рабами не удаивающийся может иметь общее с Богом жилище – человеческий ум? Но скажут: это бывает по попущению. Значит, ничего не скажут: воспитательное попущение никак душу божественного света не лишает, но часто благой дар свое присутствие скрывает от ума, чтобы горечью бесов со всем страхом и великим смирением для взыскания помощи от Бога душу подтолкнуть – постепенно познающую «зло» своего Врача такое, как когда мать своего не слушающего правил питания молоком младенца скоро выталкивает из своих объятий, чтобы если случится, бывшими рядом дурного вида людьми или животными устращась, с сильным страхом и слезами оно обратилось бы к материнскому лону. А попущение, бывающее из-за отвращения, не хотящую иметь Бога душу бесам связанной передает. Мы же не робости чада, да не будет, но быть искренними детищами благого дара Бога веруем, малыми попущениями и частыми утешениями от него млекопитающимися, чтобы по его благодати достичь прихождения «в меру возраста мужа совершенна».

87. Воспитательное попущение несет большую печаль и смирение, и в меру отчаяние душе, чтобы ее славолубие и страшливая часть подобающе пришли к смирению. Страх Бога сразу прибавит сердцу слезы исповедания и прекрасного молчания желание большое; а от отвращения Бога бывающее, вместе с отчаянием и неверием – и гневом, и надменностью попускает наполниться душе. Итак, должно нам, узнав опыт обоих попущений, согласно пути каждого к Богу прилежать: там мы должны при защите приносить Ему благодарение – ненаказанность нашего мнения промедлением утешения наказывающему, чтобы как благому Отцу научить нас различению добродетели и зла; здесь – непрестанно объявление о бестолковости, неиссякающие слезы и великое отшельничество, чтобы приложением болезнования когда-нибудь мы смогли умолить Бога как прежде воззреть на наши сердца. Но еще знать должно:

когда битва души и сатаны бывает по существенному поводу – говорю о воспитательном попушении – благой дар посылает себя тайно и помощью содействует неведающей душе, чтобы ее победу показать только ее врагам.

88. Как зимней порой в начале дня на открытом месте стоя, если взирать только на восток, весь перед будет нагреваться солнцем, а вся спина из-за не нахождения ее на солнце непричастна этого тепла – так и бывающие в начале духовного воздействия: если святым благом даром сердце отчасти согреют, тогда их ум начинает плодоносить духовные разумения, но явными остаются и части, разумеющие по плоти из-за еще не всех суставов сердца озарения в глубине чувства светом святого благого дара – чего не поняв, некто возомнил в уме подвизающихся быть двум ипостасям, друг другу противостоящим, потому что душе бывает в один миг и доброе, и недоброе помышлять – как в примере человек одним осязанием и зябнет, и согревается. Когда наш ум соскользнул в двойственность внимания, с тех пор нужда у него в один момент, пусть не хочет, нести и добрые, и худые помыслы, особенно у приходящего к тончайшему различению: как потщится он всегда помышлять добро, сразу вспоминает зло – ведь от преслушания Адама память человека распалась на двойное разумение. Итак, если с теплой ревностью начнем исполнять заповеди Бога, далее глубоким чувством все наши чувства просветив, благой дар наши выдумки пожигает, радуя сердце умиротворением непоколебимого дружелюбия, и сподобляет нас мыслить уже не по плоти, но духовное, что весьма часто и происходит у приближающихся к совершенству, непрестанно имеющих в сердце память о Господе Иисусе.

89. Через омовение возрождения святой благой дар делает нам два добра, из которых одно другое бесконечно превосходит – первое, однако, сразу даруется: оно в самой воде нас обновляет и проясняет все черты души «по образу», от любого изъяна бестолковости нас отмывая, а второе ждет потрудиться с нами «по подобию»; и когда в сильном чувстве ум начнет вкушать благодать Святого Духа, мы должны знать: благой дар начинает живописать в «по образу» то, что «по подобию». Как живописцы начертывают образ человека сначала одним цветом, и цвет цветом постепенно расцветив, на портрете так и до волос доводят образ – так благой дар Бога сначала через омовение, для чего и есть оно, когда его принял человек, приводит в порядок что «по образу»; а когда увидит нас всем изволением мыслящими о красоте подобия и вставшими нагими и испуганными в этой мастерской, тогда добродетелью расцветивая добродетель и образ души от славы к славе возводя – облик подобия ей приобретает, и чувство являет нам образование того, что «по подобию», и совершенство подобия из просвещения мы узнаем: по неизреченному устройению и мере преуспевая, через чувство ум воспринимает все добродетели. Но духовную любовь можно стяжать, только если с полным убеждением просветиться от Святого Духа; если то, что «по подобию» через божественный свет ум примет не в совершенстве, может почти все другие добродетели иметь, но совершенной любви еще остается непричастен. Когда он уподобится в добродетели Богу – а чтобы уподобиться Богу, отступает человек – тогда несет подобие божественной любви. Как у пишущих портрет всю красоту образу придает расцветивание цветов, до и улыбки живописуемых, благолепие бытия «по образу» приложив к «по подобию», полностью явит просвещение любви – никакая иная добродетель обрести бесстрастие душе не может, только одна любовь: «Исполнение закона – любовь». Так день за днем внутренний человек обновляется вкушением любви и совершается ее совершенством.

90. Когда с теплотой устремим душу к добродетели Бога, сначала Святой Дух всем чувством и с убеждением в приятности Бога дает вкушать преуспеяние, чтобы точным познанием ум знал за труды боголюбия совершенную награду, но потом надолго скрывает многоценность этого животворящего дара, чтобы если и все другие добродетели осуществим, совершенно ничем себя быть мы не почитали по еще не имению в навык святой любви. И более бес ненависти досаждают душам подвизающихся до и самих любящих их оклеветания ненавистью так, что

чуть не и при приветствии несет он свое тлетворное воздействие; и более душа болезнует, неся память о духовной любви, из-за недостатка трудов более совершенных стяжать ее в чувстве силу не имея. Итак, необходимость пока усилием созидать ее, чтобы всем чувством и с убеждением мы достигли ее вкушения, а совершенство ее стяжать, будучи в этой плоти, никто не может, только к мученичеству и совершенному исповеданию пришедшие святые. Этого достигший весь изменяется и даже ничуть не стремится к пище – для питающегося божественной любовью какое (может быть) пожелание в (этом) мире благ? И мудрейший Павел, великое приятелище внимания, со своим убеждением о грядущем наслаждении первых праведников нам благовествуя, говорит так: «Царствование небес – не пища и питье, но правда и покой, и радость о Святом Духе» – что и есть плод совершенной любви. Так постоянно здесь вкушать ее могут преуспевающие в совершенстве, но в совершенном виде стяжать ее не может никто – только когда мертвенность будет поглощена жизнью.

91. Некто из неумолкающим изволением любящих Господа мне поведал, как возжелавшему ему в сильном чувстве и с убеждением любовь Бога внятно узнать – Благой это предоставил, и тогда это действие он чувствовал так, что от неизглаголанной радости и любви понуждал душу выйти из тела и взойти к Господу – не ведая этой временной жизни путь. Бывшему в испытании такой любви, если тысячу раз будет причинена досада или нанесен урон – бывает еще такое хотящим трудиться – он не гневается, но к душе ему досадившего или урон нанесшего остается словно присоединенным и разжигается только против тех, кто против бедных идет или, как говорит Писание, на Бога говорит неправду, или иначе ведет житие лукаво. Впредь намного больше себя Бога любящий, точнее, себя совсем не любящий, но только Бога, уже не свою честь защищает, но только Почтившего его превечной честью хочет чтить праведность, и это уже не по слабой воле, но впредь такое расположение имеет в навык по многому опыту к Богу любви. К этому знать должно: во время такого воздействия ради такой любви Богом воздействуемый бывает выше и веры – далее за большую любовь Чтимого верой в чувстве сердца имея; на это и святой апостол ясно нам указал: «Ныне пребывают вера, надежда, любовь – эти три, а больше всех любовь»; и по богатству любви имеющий Бога, весь находясь в желаемом, много больше тогда и своей веры.

92. Середина действия святого внимания немало печалит нас, когда от раздражения кому-то досадив, врагом его мы себе устроим – это не прекратит уязвлять нашу совесть, пока оскорбленного через многие извинения мы не возвратим к прежнему расположению. И когда кто-то из житейских людей несправедно гневается на нас, крайнее ее сокрушение нас размышлять и понимать весьма заставляет – ведь в любом случае для говорящих по веку сему мы становимся преткновением, и относительно понимания ум становится праздным. Если сначала с любовью не примем и зря гневающегося на нас, слово внимания, все будучи от любви, распространить мысль до принятия божественных представлений не допускает; а если тот быть этому не хочет и потом от мест нашего пребывания отойдет – впредь вспоминать образ его лица будем, в несдерживаемом порыве своей души прикладывая расположение, чтобы так в глубине сердца исполнить закон любви. Хотящим иметь внимание к Богу должно неуязвляющим размышлением взирать мыслью своей на лица негодующих и неуместно; когда это наступает, ум не только не погрешая двигается в богоразумии, но и с великим дерзновением взойдет к любви Бога, без помех устремляясь со второй на первую ступень.

93. Устремляющимся к благочестию путь добродетели кажется весьма каменистым и устрашающим не потому, что он таков – но по человеческой природе из-за чрева сразу возвращаться к широте удовольствий. Для тех, кто смог пройти его середину, он окажется совершенно приветливым и уютным – ведь согласно действию уничтожения бессловесных удовольствий памятью о благе, худое подчиняется доброму обычаю, и впредь душа с удовольствием идет по всем стезям добродетелей; и Господь, приводя нас на путь спасения, говорит: «Узкий и тесный путь приводит к Царствованию, и мало тех, кто вступает на него»; а тем, кто хочет

сильным изволением прилежать к соблюдению Его святых заповедей: «Иго мое благо, легкость – бремя мое». Итак, в начале подвига должно принуждающей волей исполнять святые заповеди Бога, чтобы благой Господь, увидев наше намерение и готовый труд, ниспослал нам волю с большим удовольствием служить Его славным повелениям – «от Господа готовится желание»; и непрестанно в большой радости благо будет держать нас, и тогда воистину почувствуем – «Бог производит в нас желание и действие по благоволению».

94. Как не разогретый и не размягченный воск налагаемую на себя печать хорошо принять не может, так и человек, если через немощи и труды испытан не будет, печать добродетели Бога вместить не может, и божественному Павлу Господь говорит: «Тебе хватит Моего благого дара. Моя сила совершается от немощи»; и сам апостол хвалится: «Лучше с радостью похвалюсь немощью моей, чтобы вселилась в меня сила Христа»; и в Притчах написано: «Господь наказывает, кого любит; бьет каждого сына, которого принимает». Немощами апостол называет противостания врагов Креста, которые тогда постоянно ему и всем святым случались, чтобы, как он сам говорит, не превозносились превосходством откровений, но оставались в образе совершенства более через смирение – через крепкие унижения преподобно храня божественный дар; а ныне мы немощами называем лукавые помыслы и телесные расстройств. Тогда за предавание на смертельные побои и на различные другие скорби святых тел подвизающихся против греха они были много выше привходящих в человеческое естество от бестолковости страстей, а ныне, когда благодаря Господу множится мир церковей, должно частыми расстройствами – тела, лукавыми помыслами – души подвизающихся в благочестии испытывать, особенно тех, у которых в каждом чувстве и с убеждением действует внимание, чтобы любого тщеславия они избежали и для великого смирения запечатлели на сердцах печать божественной красоты, по слову святого: «Знаменуется на нас свет явления Твоего, Господи»; и должно с благодарением совет Господа терпеть – тогда постоянство недугов и сражение с бесовскими помыслами вменяется нам в дело другого мученичества; потому что через тех незаконных начальников святым мученикам говорящий – «отрекитесь от Христа, возжелайте житейскую славу» – и ныне от себя это предлагает рабам Бога, говоря непрестанно. Тогда телам праведных боль причинявший и через служащих своим диавольским выдумкам до предела учителям благочестия досаждавший – и ныне со многими досаждениями и унижениями наводит на исповедников благочестия разные страдания, особенно когда во славу Господа они помогают одолеваемым большой силой бедным; и перед лицом Бога верно с твердостью и терпением воплощать свидетельство нашей совести: «Терпя, потерпел Господа, и Он услышал меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.